

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 15, Is. 2, pp. 259–269, 2022
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(470.47) «19»

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-259-269

Калмыцкая степь Астраханской губернии в конце XIX в. (по новым архивным материалам)

Александр Нармаевич Команджаев¹, Бадма Владимирович Сангаджиев², Евгений Александрович Команджаев³

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, документоведения и архивоведения
 0000-0002-7064-7315. E-mail: ak.narma@mail.ru

² Российский университет дружбы народов (д. 6, ул. Миклухо-Маклая, 117198 Москва, Российская Федерация)
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности
 0000-0001-8317-0117. E-mail: sangadzhev-bv@rudn.ru

³ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права
 0000-0002-4542-8786. E-mail: komandzhaev@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Команджаев А. Н., Сангаджиев Б. В., Команджаев Е. А., 2022

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена актуальной проблеме — анализу состояния Калмыцкой степи Астраханской губернии в конце XIX в. на основе введения в научный оборот новых архивных материалов. Актуальность этого вопроса объясняется его небогатой историографической традицией: по данной проблеме в современный период изданы единичные работы, в которых кратко представлены отдельные ее фрагменты. Помимо этого, актуальность изучения указанной проблемы настоятельно требует междисциплинарного и цивилизационно-культурного подходов. *Цель и задачи.* Целью работы является комплексная характеристика состояния калмыцких улусов и калмыцкого общества в конце XIX в., что позволит обозначить традиционные черты и установить степень внедрения новых явлений в общественно-экономическом развитии региона. Для достижения этой цели авторы представили сведения по целому комплексу различных сторон калмыцкой жизни. Избранные авторами хронологические рамки

исследования (конец XIX в.) вполне оправданы: прошло без малого 300 лет после переселения калмыков в Россию, что позволяет определить сохранность традиционных начал и обозначить влияние новаций. *Материалы и методы.* Для достижения цели исследования авторами применяется комплекс общенаучных и специально-исторических методов. Особое место среди них занимают принципы историзма и системности, позволяющие правильно анализировать события более чем столетней давности и рассмотреть их во взаимосвязи с другими сторонами жизни калмыцкого общества. Важным является использование междисциплинарного и цивилизационного подходов, позволивших авторам представить объективное изложение многосложных процессов. Статья базируется на использовании новых архивных источников, впервые вводимых в научный оборот. Речь идет о делопроизводственной документации, хранящейся в материалах фонда земского отдела МВД в Российском государственном историческом архиве и в фонде Управления калмыцким народом Национального архива Республики Калмыкия. Главным образом авторами приводятся сведения из сводных годовых отчетов астраханского губернатора о состоянии Калмыцкой степи, особой административно-территориальной единицы Астраханской губернии. *Результаты.* На основе отчетных сведений проанализированы территория и население Калмыцкой степи, состояние хозяйства и социальной структуры калмыцкого общества, школьная система и оказание медицинской помощи, обращено внимание на характеристику нравственного облика астраханских калмыков чинами администрации. *Выводы.* Исследование конкретного материала показало, что калмыки Астраханской губернии на пороге XX в. являлись кочевым обществом с традиционным укладом жизни. Основой их жизнедеятельности являлось экстенсивное кочевое животноводство с теми же, как и 300 лет назад, видами и породами скота с некоторыми инновационными элементами (эпизодические заготовки кормов на зиму, строительство в некоторых урочищах стационарных помещений). Все потребности калмыков полностью удовлетворялись собственным хозяйством. К числу новаций следует отнести попытки земледельческих занятий в пригодных для этого локализованных участках Малодербетовского улуса по соседству с переселенческим крестьянством, а также вовлечение калмыцких улусов в рыночные отношения.

Ключевые слова: Астраханская губерния, Калмыцкая степь, кочевники, сословия, крестьяне-переселенцы, улусы, аймаки, урочища, скотоводство, земледелие, ремесло, школы, медицинская помощь, нравственность

Благодарность. Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства Российского университета дружбы народов.

Для цитирования: Команджаев А. Н., Сангаджиев Б. В., Команджаев Е. А. Калмыцкая степь Астраханской губернии в конце XIX в. (по новым архивным материалам) // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 2. С. 259–269. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-259-269

Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate, Late 19th Century: Newly Discovered Archival Materials Analyzed

*Alexandr N. Komandzhaev*¹, *Badma V. Sangadzhiev*², *Evgeniy A. Komandzhaev*³

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor, Head of Department

 0000-0002-7064-7315. E-mail: ak.narma@mail.ru

² Peoples' Friendship University of Russia (6, Miklouho-Maclay St., 117198 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (Law), Professor

 0000-0001-8317-0117. E-mail: sangadzhiev-bv@rudn.ru

³ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation)

Cand. Sc. (Law), Associate Professor, Head of Department

 0000-0002-4542-8786. E-mail: komandzhaev@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Komandzhaev A. N., Sangadzhiev B. V., Komandzhaev E. A., 2022

Abstract. Introduction. The article introduces into scientific circulation newly discovered archival materials and analyzes actual conditions in Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate in the late 19th century. The issue remains topical enough, which results from its poor historiographic tradition: only a few works have been published in the modern period just to outline some fragmentary aspects. In addition, interdisciplinary, civilizational and cultural approaches are urgently needed to address this theme. *Goals.* The work attempts a complex characterization of Kalmyk *uluses* and Kalmyk society in the late 19th century. The former shall be instrumental in defining traditional features and identifying the degree of introduction of new phenomena in socioeconomic development of the region. So, the paper provides data on quite a range of aspects inherent to Kalmyk life. The chronological framework of the study (late 19th century) is well justified: the Kalmyks had spent almost 300 years within Russia's borders, which makes it possible to determine the degree of preservation of traditional essentials and identify the influence of innovations. *Materials and methods.* The work employs a set of general scientific and special historical research methods. Special attention is paid to the principles of historicism and systemacity helpful in analyzing events from over 100 years ago and considering the latter in connection with other aspects of Kalmyk social life. Interdisciplinary and civilizational approaches make it possible to present objective accounts of complex processes. The mentioned documents are stored at the Russian State Historical Archive and the National Archive of Kalmykia. The former are mainly represented by consolidated annual reports of Astrakhan Governor describing actual conditions in Kalmyk Steppe — a special administrative and territorial unit of Astrakhan Governorate. *Results.* The paper analyzes the reports for data on territory and population of Kalmyk Steppe, economy and social structure of Kalmyk society, school and medical aid systems. It also stresses accounts of Astrakhan Kalmyks' moral appearances by Astrakhan officials. *Conclusions.* The study shows that Astrakhan Kalmyks were still a traditional nomadic society at the turn of the 20th century. Their livelihood was based on extensive nomadic livestock breeding with the same species and breeds as 300 years ago, though some innovations had been perceived (occasional winter forage conservation, construction of permanent buildings in some localities). All needs of Kalmyks were fully satisfied with their own farmsteads. The innovations included attempts to engage in agricultural activities in suitable areas of Maloderbetovsky Ulus next to resettled Russian peasants, and the involvement of Kalmyk communities in market relations.

Keywords: Astrakhan Governorate, Kalmyk Steppe, nomads, estates, resettled peasants, ulus, aimag, native lands, livestock, agriculture, crafts, schools, medical aid, morals

Acknowledgements. The reported study was funded by the Strategic Academic Leadership Program of Peoples' Friendship University of Russia.

For citation: Komandzhaev A. N., Sangadzhiev B. V., Komandzhaev E. A. Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate, Late 19th Century: Newly Discovered Archival Materials Analyzed. *Oriental Studies*. 2022; 15(2): 259–269. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-259-269

Введение

Актуальность указанной темы вызывается необходимостью уточнения многих, в том числе статистических, данных о состоянии калмыцких улусов Астраханской губернии накануне XX в. Во-вторых, анализ общей картины состояния Калмыцкой степи необходим для комплексной характеристики региона накануне великих потрясений. Изучение проблемы в форме статического анализа с элементами динамики позволит также определить устойчивость традици-

онных начал в калмыцкой жизни данного периода и восприимчивость населения к новациям. Изучение указанной проблемы имеет более чем столетнюю историю. Уже в конце XIX в. в трудах Я. П. Дубровы и И. А. Житецкого [Дуброва 1898; Житецкий 1892], в путевых записках П. Смирнова [Смирнов 1999], в материалах обследования Калмыцкой степи К. И. Костенкова [Костенков 1870] и статистических данных Г. И. Лакина [Лакин 1911] представлены их ценные наблюдения, заметки о калмыцком

хозяйстве, социальных отношениях у калмыков, описания быта и повседневной жизни кочевников.

В XX в. наши представления о калмыцких улусах конца XIX столетия в значительной степени расширились новыми материалами в монографиях У. Э. Эрдниева, А. И. Наберухина и А. Н. Команджаева [Эрдниев 1985; Наберухин 1987; Команджаев 1999; и др.].

Следует обратить внимание на соответствующие разделы в обобщающих трудах [Очерки 1967; История 2009] и статью со статистическими сведениями о переселенческом хозяйстве Калмыкии [Команджаев 1982].

На современном этапе по проблемам, связанным с характеристикой дореволюционного состояния калмыцкого общества, опубликованы статьи о менталитете калмыков по опубликованным и архивным данным на основе социокультурного подхода [Бадмаев 2015; Четырова 2017; Четырова 2018; Команджаев, Команджаев 2021] и работы об институтах публичной власти в Калмыкии [Горяев, Команджаев 2015; Тепкеев 2018; Команджаев 2019].

Вместе с тем есть необходимость в обогащении работ дополнительными источниками, прежде всего архивными. В связи с этим анализ указанной проблемы базируется на материалах ежегодных отчетов астраханского губернатора из Российского государственного исторического архива (фонд земского отдела МВД) и Национального архива Республики Калмыкия (фонд Управления калмыцким народом).

В 1980 г. исследователь Л. С. Бурчинова опубликовала специальный источниковедческий труд, посвященный анализу фонда Управления калмыцким народом Национального архива Республики Калмыкия [Бурчинова 1980].

Географические рамки исследования мы ограничили территорией Калмыцкой степи, особой административно-территориальной единицы Астраханской губернии, состоявшей из 8 улусов, где проживало кочевое калмыцкое население с традиционным укладом жизни. За пределами нашего исследования остались Большедербетовский улус Ставропольской губернии, калмыцкие казачьи станицы области Войска Донского, Терской области, Астраханской

и Оренбургской губерний, которые отличались состоявшимся переходом к оседлости, большей степенью социализации и интеграции в общероссийское общественно-экономическое пространство.

Материалы и методы

В работе авторами применяется необходимый комплекс общенаучных и специально-исторических методов. Особое место среди них занимают принцип историзма, позволяющий дать объективную характеристику изучаемым событиям и явлениям более чем столетней давности, и принцип системности, дающий возможность рассматривать их во взаимосвязи с другими сторонами жизни калмыцкого общества. Важным является использование междисциплинарного и цивилизационно-культурного подходов, позволившее авторам охарактеризовать многосложные процессы развития Калмыцкой степи и определить традиционные начала и инновационные элементы калмыцкой жизни в конце XIX в.

Калмыцкие улусы и общество в конце XIX в.

В 1899 г. территория Калмыцкой степи составила 7,5 млн десятин, из которых 950 тыс. дес. являлись неудобными для хозяйственной деятельности. Но, как отметил в своем отчете астраханский губернатор, «в действительном пользовании калмыков находится меньшее количество земли, так как часть ее отведена в пользование разным ведомствам и лицам» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 328. Л. 2]. Помимо этого, из состава Калмыцкой степи были выведены 92 земельные и рыболовные оброчные статьи в размере 660 тыс. дес., которые были сданы в аренду «посторонним лицам» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 328. Л. 2].

В Калмыцкой степи в 1899 г. проживало 138,2 тыс. чел., из которых количество женщин составляло более 66 тыс., мужчин — более 72 тыс. Поулусная численность населения выглядела следующим образом: в северной части Малодербетовского улуса 30 158 чел., в южной части этого улуса — 21 742 чел., в Яндыко-Мочажном улусе — 28 498 чел., Эркетеневском — 17 817 чел., Икицохуровском — 13 763 чел., Багацохуровском — 9 293 чел., Александровском (Хошутовском) — 8 035 чел., Харахусовском — 7 606 чел., в пос. Калмыцкий Базар,

являвшемся самостоятельной административно-территориальной единицей Калмыцкой степи, — 1 258 чел. [РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 328. Л. 59–60].

Превышение количества мужчин у калмыцкого населения являлось постоянной категорией на всем протяжении второй половины XIX – начала XX вв., что являлось особенностью кочевого общества. В численности населения в этот период наблюдалась постоянная положительная динамика.

По вероисповеданию население Калмыцкой степи распределилось следующим образом: буддисты — 133 409 чел., православные — 4 047 чел. (2 тыс. чел. — крещеные калмыки, остальные — чиновники, служащие и члены их семей), мусульмане — 678 чел. (в основном казахи на арендуемых землях), армяне — 29 чел. (торговцы), раскольники — 6 и 1 католик [РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 328. Л. 2об.].

Следует сказать, что эти цифры неполны, поскольку в отчетах губернатора о состоянии Калмыцкой степи учитывалось только население калмыцких улусов. Между тем сюда не входило крестьянское население русско-украинских переселенческих сел на территории Калмыцкой степи, но в административном отношении включенных в состав Черноярского уезда Астраханской губернии. Это население проживало по соседству с калмыками в тесной хозяйственной, социальной и культурной связи с ними. Таковых в переселенческих селах, включая некоторые села Медвежинского уезда в границах Большедербетовского улуса Ставропольской губернии, насчитывалось, по данным первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., около 40 тыс. чел. [Команджаев 1982: 91–92].

Активное заселение переселенцами окраинных земель Калмыцкой степи в XIX в. происходило в результате создания 10–15-верстной полосы, согласно Положению, утвержденному Александром I 19 мая 1806 г. Это пространство вдоль Волги от Астрахани до границы с Саратовской губернией было занято переселенческим населением. В целях компенсации калмыкам было дано право «вкочевки» в зимний период в земли переселенцев и астраханского казачества «для укрытия скота» [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 14. Л. 1об.].

Однако из-за неправильного пользования 10–15-верстной полосой жителями оседлых приволжских сел стали возникать участвовавшие с 1850-х гг. земельные споры с калмыками соседних аймаков. В 1868 г. было решено разграничить территорию этой полосы, для чего была создана согласительная комиссия. Комиссия после разбирательств с земельными спорами 1870–1871 гг. пришла к заключению, что калмыки с 1864 г. не пользуются правом «вкочевки» зимой в займища крестьян. В связи с этим Управление калмыцким народом 11 октября 1871 г. предложило ликвидировать 10–15-верстную полосу, однако астраханский губернатор не дал согласия на продвижение в Петербург этого ходатайства [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 14. Л. 2–2об.]. Следует упомянуть о том, что в отчете губернатора за 1899 г. говорится о споре, возникшем между калмыцкими аймаками Аха-Цатанова рода в Яндыко-Мочажном улусе о праве пользования некоторыми урочищами, который находился на рассмотрении в Управлении калмыцким народом [РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 328. Л. 3].

В 1870-е гг. продолжала активно реализовываться программа по заселению калмыцких дорог: в 1870 г. в селах, расположенных на территории Калмыцкой степи вдоль Царицынско-Ставропольского, Крымского и Астраханско-Кизлярского трактов, было поселено 8 610 крестьян-переселенцев и построено 3 867 домов и кухонь, в 1871 г. — уже 9 129 крестьян и 1 432 дома [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 14. Л. 44].

Помимо различных построек, у крестьян достаточно активно возводились другие жилые, служебные и хозяйственные стационарные помещения в калмыцких улусах: в 1870–1871 гг. — по 12 домов для чиновников и полицейской стражи в год и более 900 мельниц, лавок и амбаров в переселенческих селах [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 14. Л. 44].

Сословный состав калмыцкого населения Астраханской губернии в 1899 г. выглядел следующим образом: нойонов — 35 чел., зайсангов аймачных и безаймачных — 2 600 чел., простолюдинов — 130 108 чел., представителей буддийского духовенства — 1 284 чел. [РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 328. Л. 2об.].

В числе духовенства составляли 36 чел. бакши (настоятели хурулов), 518 чел. — гелюнги, 371 чел. — гецюли, 358 чел. — манджики, которые исполняли службу в 23 больших и 39 малых хурулах [РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 328. Л. 63–64].

Еще один (внештатный) хурул был открыт с разрешения МВД в 1855 г. на средства бывшего Ламы калмыцкого народа Гелика в Харахусовском улусе. Затем этот хурул был передан на содержание за счет личных средств владельцу Харахусовского улуса сотнику Дугарову и местному владельцу нойону Буяндыкову (Буянтукову. — *авт.*).

Следует заметить, что владелец улуса Дугаров с 1864 г. являлся также сверхштатным чиновником по особым поручениям в Управлении калмыцким народом без заработной платы. Все хурулы содержались за счет ведения собственного хозяйства и за счет добровольных пожертвований населения. Лама калмыцкого народа утверждался пожизненно императором по представлению Министра внутренних дел [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 14. Л. 17].

Поулусно в 1871 г. хурулы и буддийское духовенство распределялись следующим образом: Багацохуровский улус — 3 больших и 5 малых хурулов с численностью 169 священнослужителей (69 гелюнгов, 50 гецюлей, 14 манджиков), Эркетеневский — также хурулов соответственно 3 и 5, 49 гелюнгов, 47 гецюлей и 33 манджика. Примерно такое же соотношение хурулов и духовенства имелось в Хошеутовском, Харахусовском и Икицохуровском улусах. Заметно больше количество хурулов и численность духовенства насчитывались в двух улусах со значительным количеством населения: в Малодербетовском (до разделения на Манычский и Малодербетовский улусы) улусе — 6 больших и 10 малых хурулов, 157 гелюнгов, 100 гецюлей, 105 манджиков; в Яндыко-Мочажном — то же число хурулов, 120 гелюнгов, 90 гецюлей и 85 манджиков [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 14. Л. 62]. Каменными, по сведениям из отчета за 1899 г., являлись здания 15 хурулов в Яндыко-Мочажном улусе, 5 хурулов в Эркетеневском, трех хурулов в Александровском (Хошеутовском), по одному в северной и южной частях Малодербетовского улуса. Деревянных хурульных зданий насчитывалось

89, кибиточных молельных домов — 116 [РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 328. Л. 61–62].

В калмыцком кочевом хозяйстве определяющее место в 1899 г. занимало животноводство: лошадей насчитывалось 65,4 тыс. голов, крупного рогатого скота — 113,8 тыс., овец — 340,6 тыс., коз — 11,2 тыс., верблюдов — 18,5 тыс. [РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 328. Л. 79–80].

Развитие животноводства Калмыцкой степи в данный период имело положительную динамику и к началу Первой мировой войны значительно возросло: лошадей насчитывалось более 74 тыс., крупного рогатого скота — около 190 тыс., овец — более 686 тыс., верблюдов — более 20 тыс. [Команджаев 1999: 78].

Почти все поголовье лошадей, овец и крупного рогатого скота составляли животные калмыцкой породы. Разведение тонкорунных овец в калмыцких улусах (их насчитывалось чуть более 4 тыс.) не рекомендовалось, а во многих аймаках воспрещалось во избежание опустынивания степи. Как правило, эти статистические данные о численности скота в Калмыцкой степи в ежегодных отчетах губернатора приводятся в историко-экономических работах. Однако для полноты картины необходимо к указанной численности животных, имевшейся в хозяйствах калмыков, добавить количество скота в переселенческих крестьянских селах, расположенных в пределах калмыцких улусов (по данным Г. И. Лакина за 1907 г.: лошадей — 2 664, крупного рогатого скота — 55 293, овец — 190 923 [Лакин 1911: 7–30]), и скот арендаторов калмыцких земель (подсчитано авторами по архивным данным 1901 г.: лошадей — 5 748, крупного рогатого скота — 135 495, овец — 475 301 [Команджаев 1999: 78]).

Суммированные показатели свидетельствуют о больших масштабах животноводства в Калмыцкой степи: 85 тыс. лошадей, почти 305 тыс. голов крупного рогатого скота, более 1 млн овец. Следует признать, что и эти цифры занижают общую численность скота, поскольку не учтено поголовье животных крестьян-переселенцев, незаконно выпасавших скот на калмыцких землях без заключения контракта. Это мы видим по большому количеству штрафов за незаконный выпас скота в архивных материалах. В ежегодных отчетах также имеются

количественные сведения о проданных животных. Так, в 1899 г. продано 6 237 голов лошадей, верблюдов — 1 638, крупного рогатого скота — 30 574, овец — 78 648, коз — 923 головы на сумму 1 354 539 руб. [РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 328. Л. 81–82].

На наш взгляд, эти цифры неполны, поскольку не учитывалось количество животных, проданных на месте разным перекупщикам. В отдельной таблице представлены данные о падеже скота, что является свидетельством экстенсивности отрасли: в 1899 г. пало 998 верблюдов, 2 848 лошадей, 3 729 голов крупного рогатого скота, 21 078 овец и коз [РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 328. Л. 83–84].

В отчетах астраханского губернатора имеются подробные сведения о масштабах развития хлебопашества, садоводства, огородничества, бахчеводства и табаководства в пригодных для этих отраслей землях Малодербетовского и Манычского (южной части Малодербетовского) улусов. По данным отчета о состоянии Калмыцкой степи в 1872 г., имелось 13 лесных и две садово-лесные плантации, 7 фруктовых садов у отдельных хозяев (5 — в Малодербетовском улусе и по одному — в Хошеутовском и Багацохуровском улусах) [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 16. Л. 26].

Уже в 1899 г. было заведено новых садов: в северной части Малодербетовского улуса калмыками разных родов — 20 садов на площади 10,5 дес., в Яндыко-Мочажном улусе сад завел Добджиев, в пос. Калмыцкий Базар опыт разведения сада предпринял Улюмджиев, посадивший 1 500 саженцев (принялось 500). Помимо этого, крестьяне-переселенцы, самовольно поселившиеся в Свиной и Березовой балках в Малодербетовском улусе, высадили 13 садов [РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 328. Л. 3].

Огородничеством и бахчеводством в 1899 г. занимались 232 калмыка в Малодербетовском улусе, засеявших 120 дес., а также несколько жителей в Яндыко-Мочажном, Харахусовском улусах и в пос. Калмыцкий Базар близ Астрахани. Сеяли огурцы, помидоры, картофель, лук, а также арбузы, дыни и тыкву. Как отметил в отчете губернатор: «Урожай овощей, по случаю засух, был ниже среднего» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 328. Л. 3].

Также в северной части Малодербетовского улуса в 1899 г. сеяли табак 28 калмыков. Здесь же хлебопашеством в 1899 г. занимались 182 чел., в южной части этого улуса — 129 чел. Подобный опыт зернового производства у нескольких калмыцких семей в Харахусовском улусе был неудачным, как и безуспешной стала попытка зайсанга Джамбаева в урочище Адык Эркетеневского улуса: «урожая вовсе не было» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 328. Л. 3–3об.].

В целом по калмыцким улусам Астраханской губернии в 1899 г. было посеяно 122 четверти озимой пшеницы (урожай составил 471 четв.), 998 — ржи (урожай — 2 267 четв.), 1 207 — яровой пшеницы (урожай — 3 512 четв.), 113 — овса (урожай — 4 741 четв.), 57 — ячменя (урожай — 420 четв.), 69 — проса (урожай — 497 четв.), 69 — горчицы (урожай — 484 четв.), 21 — льна (урожай — 66 четв.) [РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 328. Л. 74–75].

Как видим, урожайность зерновых была небольшой в условиях аридных степей, и хлебопашество было сосредоточено только в северной и южной частях Малодербетовского улуса.

Представляют интерес отчетные данные о численности ремесленников в калмыцких улусах в 1871 г.: сыромятников — 170, плотников — 45, кузнецов — 37, сапожников — 33, серебрянников — 27, печников — 12, слесарей — 12, портных — 11, столяров — 9, картузников — 2 [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 14. Л. 36]. При этом следует иметь в виду, что здесь представлена численность тех лиц, которые изготавливали товары на продажу, хотя в рамках домашнего производства обработкой кожи и шерсти, изготовлением одежды и другим занимались практически в каждой калмыцкой семье.

В отчетах представлены сведения о натуральных повинностях в калмыцких улусах, которые заключались в поставке подвод (транспорта) для чиновников и командированных лиц, поставке кибиток для улусных управлений и проживания чиновников, казачьих команд и полицейской стражи. Предоставлялось также топливо для отопления квартир чиновников. В 1871 г. в улусах было выделено 100 всадников с лошадьми для полицейской команды, учрежденной по указу императора 1 декабря 1867 г. в целях «искоренения хищничества и соблюдения

внутри степи тишины и порядка» [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 14. Л. 10об.]. В том же году поступило натуральных повинностей: 120 лодок (в мочажной части Яндыко-Мочажного улуса), 4 396 подвод, 67 кибиток, топлива на 2 028 руб., 133 лошади, 115 верблюдов. Помимо этого, было выделено 80 всадников для 10 постоянных пикетов, 32 всадника для 10 временных пикетов, 15 чел. в Багацохуровском улусе для размежевания земли [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 14. Л. 11–11об.]. В 1872 г. натуральные повинности в денежном выражении составили 46 812 руб. [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 16. Л. 8].

Основным налогом в Калмыцкой степи являлся покибиточный годовой сбор, который зачастую был непосилен для калмыцких хозяйств. В 1872 г. было собрано недоимков прошлых лет 12 766 из 138 140 руб., текущего годового сбора — 70 680 из 88 753 руб., с крещеных калмыков собрали годовой сбор на сумму 462 руб. (из 2 421 руб. недоимков не поступило ничего). Кроме того, жители аймаков без родовых зайсангов уплатили 2 329 руб. годового сбора (из 3 036) и 255 руб. недоимков (из 4 572 руб.) [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 16. Л. 5–5об.].

В Малодербетовском улусе в пользу владельца нойона Тундута жители выплачивали из недоимков прошлых лет 2 418 руб. (из 148 660 руб.), годового сбора за текущий год — 40 526 руб. (из 56 741 руб.). В целом за 1872 г. годовой сбор в Калмыцкой степи поступил в сумме 128 975 руб., из которых на содержание органов управления — 83 446 руб., в калмыцкий общественный капитал — 2 584 руб. (это налог с калмыков в аймаках без родовых зайсангов), владельцу Малодербетовского улуса — 42 944 руб. По Положению 1847 г., демчеи (сборщики налогов) занимались сбором недоимков в апреле (за первую половину года) и в сентябре (за вторую половину) [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 16. Л. 7]. Следует сказать о том, что в калмыцкий общественный капитал поступали средства от сданных в аренду калмыцких земельных и рыболовных оброчных статей, а также за выпас скота крестьянами-переселенцами на землях калмыцких родовых обществ и штрафы от незаконного выпаса скота и незаконной распашки земли и др. Средства калмыцкого общественного капитала также шли на содержание управления, на экстраординарные расходы, на

здравоохранение и школьное образование в Калмыцкой степи.

Чиновники улусных управлений обращали внимание на возрастающую бедность калмыцких простолюдинов, что объяснялось как экстенсивным характером хозяйства, так и социальной поляризацией в условиях перехода к рыночным отношениям. О росте этого процесса можно судить по количеству калмыков-отходников, получавших билеты и свидетельства на отлучку из мест проживания для найма на волжско-каспийские рыболовные и соляные промыслы, на сельскохозяйственные работы в соседние села. В 1899 г. было выдано 18 465 свидетельств и билетов [РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 328. Л. 88–89].

В условиях незначительного количества водоемов в Калмыцкой степи жители были вынуждены заниматься устройством колодцев (худуков) и запруд. Так, в 1899 г. в северной части Малодербетовского улуса устроено 12 запруд в небольших балках для сбора талой и дождевой воды, 15 колодцев со срубами и 347 — без срубов, в южной части этого же улуса — 13 запруд и 80 худуков (колодцев), в Багацохуровском улусе — соответственно 2 и 21, в Икицохуровском улусе — 13 колодцев, в Эркетеневском — 2, в Харахусовском — 1. В других улусах в отчетном году новых запруд и колодцев не было построено [РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 328. Л. 3об.].

В отдельной ведомости значатся сведения о числе домов и других строений. В 1899 г. в калмыцких улусах насчитывалось 5 каменных, 1 532 деревянных, 806 глинобитных домов и других построек, 847 мазанок, 11 мельниц и 2 322 подсобных помещения, что свидетельствовало о начальных случаях отхода от классического кочевничества [РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 328. Л. 73–74].

В ежегодных отчетах Управления калмыцким народом за 1870-е гг. наличествовал постоянный раздел «Нравственность», в котором чины администрации представляли описание характерных нравственных черт у калмыков. В отчете за 1874 г. чиновники отмечали: «Общая характерная черта калмыков есть послушание распоряжениям правительства и покорность начальству, довольство своим положением, уживчивость с окружающим степь русским населением,

хотя это население вторгается в пределы степи, производит в кочевьях калмыков самоуправство, захватывает земли и скот калмыков и вообще эксплуатирует калмыков, употребляя состояние и скот калмыков в свою пользу. Калмыцкий народ ведет патриархальную жизнь и пристрастен к жизни кочевой... Единственная дурная склонность у калмыков: страсть к спиртным напиткам и угон скота» [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 20. Л. 27об.].

Администрация Калмыцкой степи еще раньше (в отчете за 1871 г.) заметила некоторое снижение хороших нравственных черт у калмыков и связывала это с прекращением с конца XVIII в. постоянных связей с Тибетом. Отсюда — «частыми являлись пьянство и воровство» [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 14. Л. 24об.]. Это же было подтверждено в отчете за 1873 г.: «Единственную дурную склонность калмыков составляет хищничество и угон скота... Этот порок, свойственный вообще кочевым народам, в общежитии степняков имеет значение удалства. Но поскольку калмыки с каждым годом беднеют, то воровство и угон скота стало принимать уже характер промысла, обеспечивающего содержание» [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 18. Л. 49об.].

Этим чиновники администрации признавали социальную подоплеку этих уголовных преступлений. В качестве меры против угонов скота была создана разъездная вооруженная полицейская команда из 100 конных калмыков в 10 пикетах по 10 чел. под руководством урядников из Астраханского казачьего войска [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 20. Л. 27об.].

По указу императора также предусматривалось высылка виновных в восточную Сибирь «в среду бурят», а также отстранение должностных лиц от управления аймаками в случае слабого надзора. Помимо этого чиновники предлагали в целях борьбы с угонами скота обезоруживать кочевников и виновных высылать за пределы калмыцких улусов [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 18. Л. 49об.], но эта мера не получила нормативного оформления.

Подробные сведения в указанных отчетах имеются по образовательным учреждениям: в Калмыцкой степи в 1899 г. насчитывалось 6 улусных школ и училище при Управлении калмыцким народом в Астрахани, в которых обучалось 174 маль-

чика. Кроме этого, 11 чел. училось в Астраханской гимназии, 9 чел. — в реальном училище, 7 чел. — в городском училище, 2 — в школе садоводства и огородничества, 2 — в Казанской фельдшерской школе и 1 — в Хреновской лесной школе [РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 328. Л. 4об.–5]. Следует отметить отсутствие в большинстве отчетов сведений о численности учеников в хурульных школах. На наш взгляд, необходимо в этом случае использовать данные из фонда Ламы калмыцкого народа.

В отчете за 1899 г. также отражены подробные данные о здравоохранении. Из эпидемических заболеваний выделены: натуральная оспа — 34 случая (умерло 19), скарлатина — 13 (умерло 4), дифтерит — 53 (умерло 16), корь — 53, тиф брюшной и возвратный, малярия (3 300 случаев), грипп, сибирская язва. Отмечается рост числа заболеваний желудочно-кишечного тракта (на 300 чел. больше, чем в предыдущем году) и сифилиса (913 чел.) [РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 328. Л. 6–12]. В отчете представлены также данные о числе лиц, нуждающихся в призрении: инвалидов — 115, слабоумных — 75, глухонемых — 75, слепых — 156, сирот — 844 [РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 328. Л. 13]. В 1899 г. в калмыцких улусах усилиями 18 оспопрививателей было привито 13 426 чел., из которых у 4 178 чел. прививка не принялась [РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 328. Л. 75–76].

Выводы

Материалы ежегодных отчетов астраханского губернатора о состоянии Калмыцкой степи являются наиболее ценным и достоверным источником по истории Калмыкии дореволюционного периода. Относительная достоверность отчетных сведений обеспечивалась регулярной и отработанной системой сбора сведений по цепочке «хотонный староста — аймачный старшина — улусное управление — Управление калмыцким народом». Управление составляло сводный отчет, который утверждался астраханским губернатором и отправлялся в земский отдел МВД. Положительная сторона ежегодных отчетов заключается в том, что в них содержались комплексные данные обо всех сторонах жизнедеятельности калмыков. Безусловно, эти сведения не могут быть абсолютно точными, поскольку на это влиял человеческий фактор: чинов-

нику было важно показать положительную динамику развития, калмыкам-скотоводам хотелось занизить численность своего скота, чтобы показать неблагополучие хозяйства в целях уменьшения многочисленных повинностей. На рубеже XIX–XX вв. произошла замена равного для всех семей по-

кибиточного налога сбором с имеющегося скота, в связи с чем уменьшение масштабов скотоводческого хозяйства у калмыков стало обычной практикой. Но даже при этом недостатке отчетные сведения являются добротным источником для анализа динамики развития дореволюционной Калмыкии.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.
РГИА — Российский государственный исторический архив.

Литература

Бадмаев 2015 — *Бадмаев В. Н.* Культурная самобытность монголоязычных народов в контексте «незападной современности» // Вестник Калмыцкого университета. 2015. № 1(25). С. 74–79.
Бурчинова 1980 — *Бурчинова Л. С.* Источниковедческие вопросы изучения истории Калмыкии (вторая половина XIX в.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 118 с.
Горяев, Команджаев 2015 — *Горяев М. С., Команджаев А. Н.* Политика российского государства по управлению кочевыми народами в первой половине XIX в. (на примере калмыков) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 4. С. 26–29.
Дуброва 1898 — *Дуброва Я. П.* Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 15 марта 1892 г. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1898. 239 с.
Житецкий 1892 — *Житецкий И. А.* Астраханские калмыки (наблюдения и заметки). Очерк второй // Сборник трудов членов Петровского общества исследователей Астраханского края. Астрахань: Тип. «Астраханского листка», 1892. С. 36–214.
История 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 1 / редкол.: К. Н. Максимов, Н. Г. Очирова и др. Элиста: Герел, 2009. 845 с.
Команджаев 1999 — *Команджаев А. Н.* Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX – начале XX века: исторический опыт и современность. Элиста: АПП «Джангар», 1999. 262 с.
Команджаев 1982 — *Команджаев А. Н.* О месте переселенческого хозяйства в аграрной эволюции Калмыкии (конец XIX – начало XX в.) // Проблемы аграрной истории доре-

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.
Russian State Historical Archive.

волюционной Калмыкии. Элиста: КНИИЯ-ЛИ, 1982. С. 91–102.
Команджаев, Команджаев 2021 — *Команджаев А. Н., Команджаев Е. А.* Некоторые черты ментального облика российских калмыков в конце XIX века (по свидетельству чиновников администрации) // Журнал фронтирных исследований. 2021. № 3. С. 48–62.
Команджаев 2019 — *Команджаев Е. А.* Институты публичной власти в Калмыкии в XVII – начале XX вв. с позиции цивилизационно-культурного подхода // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23. № 2. С. 219–243.
Костенков 1870 — *Костенков К. И.* Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии: [С карт. Калмыц. степи / составил Гл. попечитель калмыц. народа ген.-майор К. Костенков]. СПб.: М-во гос. имуществ, 1870. 171 с.
Лакин 1911 — *Лакин Г. И.* Хозяйственно-экономические очерки и наблюдения. Вып. 7. Землевладение и землепользование у крестьянских обществ Астраханской губернии. Ч. 2. Чернойарский уезд. Астрахань: Паровая губ. типография, 1911. 44 с.
Наберухин 1987 — *Наберухин А. И.* Калмыкия в трех российских революциях. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. 159 с.
Очерки 1967 — Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период / редкол.: Н. В. Устюгов и др. М.: Наука, 1967. 479 с.
Смирнов 1999 — *Смирнов П.* Путевые заметки по калмыцким степям Астраханской губернии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 246 с.
Тепкеев 2018 — *Тепкеев В. Т.* Аюка-хан и его время. Монография. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 366 с.

- Четырова 2017 — *Четырова Л. Б.* Ментальность калмыков: истоки и причины изменений // Новые исследования Тувы. 2017. № 3. С. 125–146.
- Четырова 2018 — *Четырова Л. Б.* Труд в этнической культуре кочевников постсоциализма (на примере бурят, калмыков, тувинцев) // Новые исследования Тувы. 2018. № 2. С. 40–71.
- Эрдниев 1985 — *Эрдниев У. Э.* Калмыки (историко-этнографические очерки). 3-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 282 с.

References

- Badmaev V. N. Cultural identity of Mongolian peoples in the context of «non-western modernity». *Bulletin of Kalmyk University*. 2015. No. 1(25). Pp. 74–79. (In Russ.)
- Burchinova L. S. Exploring Kalmykia's History, Mid-to-Late 19th Century: Issues of Source Studies. Elista: Kalmykia Book Publ., 1980. 118 p. (In Russ.)
- Chetyrova L. B. The mindset of Kalmyks: Origins and causes of alterations. *The New Research of Tuva*. 2017. No. 3. Pp. 125–146. (In Russ.)
- Chetyrova L. B. Labor in post-Socialist ethnic culture: The cases of Buryats, Kalmyks and Tuvans. *The New Research of Tuva*. 2018. No. 2. Pp. 40–71. (In Russ.)
- Dubrova Ya. P. Kalmyks of Stavropol Governorate: Household Life before the Edict of 15 March 1892. Kazan: Kazan Imperial University, 1898. 239 p. (In Russ.)
- Erdniev U. E. The Kalmyks: Historical and Ethnographic Essays. 3rd ed., rev. and suppl. Elista: Kalmykia Book Publ., 1985. 282 p. (In Russ.)
- Goryaev M. S., Komandzhaev A. N. The policy of the Russian state on the governance of nomadic peoples in the first half of the XIX century (the case study of Kalmyks). *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2015. No. 4. Pp. 26–29. (In Russ.)
- Komandzhaev A. N. Economic and Social Relations in Kalmykia, Late 19th to Early 20th Century: Historical Experience and Contemporaneity. Elista: Dzhangar, 1999. 262 p. (In Russ.)
- Komandzhaev A. N. Impacts of frontiersmen's households on Kalmykia's agrarian evolution, late 19th to early 20th century. In: Problems of Agrarian History in Pre-Revolutionary Kalmykia. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1982. Pp. 91–102. (In Russ.)
- Komandzhaev A. N., Komandzhaev E. A. Some characteristics of the mentality of the Russian Kalmyks at the end of the 19th century (According to the testimony of government officials). *Journal of Frontier Studies*. 2021. No. 3. Pp. 48–62. (In Russ.)
- Komandzhaev E. A. Institutes of public authority in Kalmykia in the 17th – early 20th centuries from the perspective of civilization and cultural approach. *RUDN Journal of Law*. 2019. Vol. 23. No. 2. Pp. 219–243. (In Russ.)
- Kostenkov K. I. (comp.) Kalmyk Nomads of Astrakhan Governorate: Historical and Statistical Accounts (Supplemented with Maps of Kalmyk Steppe). St. Petersburg: Ministry of State Property, 1870. 171 p. (In Russ.)
- Lakin G. I. Economic Essays and Observations. Vol. 7: Land Use and Tenure in Peasant Communities of Astrakhan Governorate. Part 2: Cherny Yar Uyezd. Astrakhan: Steam Printing House, 1911. 44 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days. In 3 vols. Vol. 1. Elista: Gerel, 2009. 845 p. (In Russ.)
- Naberukhin A. I. Kalmykia in the Three Russian Revolutions. Elista: Kalmykia Book Publ., 1987. 159 p. (In Russ.)
- Smirnov P. Through Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate: Travel Notes. Elista: Kalmykia Book Publ., 1999. 246 p. (In Russ.)
- Tepkeev V. T. Khan Ayuka and His Era. Monograph. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2018. 366 p. (In Russ.)
- Ustyugov N. V. et al. (eds.) Kalmyk ASSR: Historical Essays. The Pre-October Period. Moscow: Nauka, 1967. 479 p. (In Russ.)
- Zhitetsky I. A. Astrakhan Kalmyks: Observations and Notes. Essay Two. In: Collected Works by Members of Peter the Great Society for the Study of Astrakhan Lands. Astrakhan: Astrakhanskiy Listok, 1892. Pp. 36–214. (In Russ.)

